

Егор Мельшин

ВОЛЧОНОК

Егор Мельшин

Волчонок

«Издательские решения»

Мельшин Е.

Волчонок / Е. Мельшин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934821-0

Хороший римский воин беспощаден. Он не ведает ни страха, ни пощады, ни жалости к врагу. Но что заставило римлян пощадить «волчонка» — мальчика-варвара? И зачем он трибуну-всаднику Гаю Ремигию Регулу? Что движет военачальником — желание использовать ребенка в своих интересах или все-таки милосердие?

ISBN 978-5-44-934821-0

© Мельшин Е.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	9
III	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Волчонок

Егор Мельшин

Редактор Александра Смирнова

© Егор Мельшин, 2018

ISBN 978-5-4493-4821-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Солнце было в зените. Центуриону Квинту Терренцию было приказано дожидаться германского отряда, который вел с собой рабов на продажу в Империю. Центурион уже подумывал дать приказ строиться в походную колонну и возвращаться, ведь встреча была назначена на утро. На рабов и приказ легата ему было наплевать, но отказываться от платы за «эксклюзивный товар», который его центурия тайно переправила из Дуростора¹, совсем не хотелось. Офицер решил подождать еще немного.

– Опять бородатые опаздывают, – лениво позевывая, сказал легионер Сцений.

– Они варвары. Варвары не могут опоздать, – Филипп, товарищ Сцения по центурии, стоявший в дозоре на стене форта и всматривавшийся в горизонт, говорил, не поворачивая к собеседнику головы.

– Что значит «не могут»? Да они только это и делают! – возмутился Сцений, в душе радуясь назревающему с сослуживцем-греком спору. Стоять молча и без дела у него уже не было сил.

– Вот именно. Опоздать может только тот, кто может прийти вовремя. А германцы не приходят вовремя – они приходят в *свое* время, – Филипп сделал ударение на предпоследнем слове.

– Какое еще «свое»? Время одно для всех! – возразил Сцений, ковыряя в земле спатой, кавалерийским мечем, который теперь раздавали всем подряд.

– Ошибаешься, мой деревенский илирийский друг. Когда они придут, спроси, почему они опоздали. Они не будут оправдываться, они даже не поймут вопроса...

Судя по голосу, Филипп высокомерно улыбался, хотя Сцений не видел его лица.

– Полегче, афинская дамочка! Ты говоришь так, как будто «деревенский» – это что-то плохое. А свою греческую болтовню оставь для легата, он у нас ученый, – возразил Сцений.

– Хм, а вот и гости, – Филипп все же был удивлен появлению германцев не меньше Сцения и центуриона. Последние встрепнулись, услышав слова грека.

Поднявшись на стену к Филиппу, центурион увидел нестройную колонну людей. Лишь немногие из них были вооружены. Остальные, шедшие в середине, шли, опустив голову, и держали руки вместе – видимо, они были связаны. Терренций приказал своим людям образовать живой коридор от ворот в глубину территории лагеря. Варвары были непредсказуемы, хоть и малочисленны, и всегда лучше перестраховаться.

– Смотреть за ними в оба! Рубить, если начнут дергаться или чудить! – орал опцион² Платор, пока легионеры слаженно выстраивались в шеренги вдоль *via Pretoria*, одной из двух главных улиц лагеря.

– Открыть ворота! – скомандовал центурион, когда варвары подошли к лагерю.

Толпа германцев и их пленников неспешно просачивалась через проход и текла дальше по образованному легионерскими щитами коридору, в конце которого их уже ждал центурион. Властно уперев руки в бока, он всем видом показывал, что является здесь хозяином положения. Терренций прослужил на Данубии³ уже немало лет и неплохо знал сразу несколько германских диалектов. Некоторые из его людей тоже не были новичками, но служба не требовала от рядовых знания языков – лишь хорошего владения мечом. Поэтому переговоры, если в них возникала нужда, вел он. Тот из германцев, которого варвары считали за старшего, вышел

¹ Дуростор – город на берегу Дуная, возникший как лагерь XI Клавдиева легиона.

² Опцион – заместитель центуриона.

³ Данубий – античное название Дуная.

вперед и, не выказывая страха или раболепия, коротким кивком поприветствовал римлянина. Центурион, ответив тем же, сказал:

– Вижу, ты привел товар. Но свое зерно ты получишь не раньше, чем покажешь мне то, зачем сюда тащился лично я, – Терренций вперил взгляд в германца, ожидая действий. Тот не пошевелился.

– Наши мечи, – только и сказал он.

Центурион пренебрежительно махнул рукой, дав команду одному из легионеров приподнять покров над телегой. В ней лежало около полусотни римских клинков. Германец, кажется, был удовлетворен, хотя никак не показал этого. Он просто вынул из кармана перевязанный тесемкой увесистый мешочек и швырнул его Терренцию. Когда тот развязал его и высыпал содержимое на ладонь, он понял, что день удался. Это был настоящий янтарь с северных берегов – весьма и весьма щедрая плата за пять десятков клинков. Терренций, ошеломленный таким успехом, аж приобнял германца и, хлопнув того по плечу, разрешил ему забрать и повозку с оружием, и казенный груз полагавшегося за рабов зерна. Бородатый варвар поманил рукой своих соплеменников, и вместе с ними к повозке двинулись и связанные пленники.

Опцион, который наблюдал за происходящим куда более внимательно, чем его командир, заподозрил неладное только тогда, когда рабы остановились около повозки – вместо того, чтобы продолжить идти в лагерь римлян. Так или иначе, было уже поздно. В следующее мгновение мнимые рабы неожиданно скинули веревки. Опцион, бывалый иллириец, успел подумать, что веревки изначально были подрезаны. Его соплеменники как-то раз проделывали подобный трюк с римлянами во времена Августа – правда, самого опциона тогда еще и на свете не было. Мысли прервал несущийся на него с топором варвар – он был из тех, что конвоировали псевдорабов. Приняв всю тяжесть удара на щит, Платор коротким колющим ударом пронзил бок варвара ниже селезенки, оттолкнул его и следующим ударом рубанул по незащищенному горлу. Опцион был не единственным объектом нападения. Все вооруженные варвары атаковали римлян. Треть тех, кто не успел вооружиться, пала под ударами римских копий, но остальные быстро разобрали мечи из повозки.

– Режь ублюдков! Не выпускать их из лагеря! – кричал Терренций, отбивая выпад вражеского меча.

Филипп, стоявший на стене, должен был оставаться на посту, но, видя, как его товарищи вступили в бой, поспешил присоединиться. Это же сделали и многие другие, в том числе некоторые из постоянного гарнизона Тигилита. А те постовые, что были в момент атаки на башнях, во все глаза смотрели на избиение, казалось, обреченных диверсантов. Когда из леса показалось несколько сотен бегущих к римскому лагерю германцев, их никто не заметил. Только кавалерийский отряд из трех десятков всадников, на полном скаку врубившийся в свалку пехотинцев, заставил часовых обернуться и громко закричать. На счастье римлян, центурия Терренция была вооружена копьями, и всадникам пришлось туго.

– Закрывайте ворота! Быстрее! – кричал башенный часовой воинам внизу. Копейщики начали оттеснять всадников, и вполне успешно, но в проеме ворот началась такая давка, что закрыть их быстро не представлялось возможным. Расчет германцев оказался верным: сотни клинков и топоров вскоре присоединились к схватке, и у римлян не было ни единого шанса остановить этот поток. Вместе с центурией Терренция в лагере было не больше двухсот человек. Германцев же было около пяти сотен. Будь они по другую сторону лагерных стен, даже большее число не было бы проблемой, но они были *внутри*.

– Стену щитов! В полукольцо! – центурион Марцелл, командир гарнизона, выскочил из своей палатки полуоблаченным и принялся отдавать воинам команды. Часть воинов спустилась вниз, а другая осталась на постах, чтобы метать в атакующих оставшиеся на стенах дротики. Платор, оказавшийся в самой гуще схватки, сыпал ударами вокруг себя, пока варварское копьё не пронзило его бедро. Упав на одно колено, он приготовился принять смерть,

но Филипп укрыл опциона его щитом и оттащил с помощью Сцения к державшим оборону легионерам.

– Если выберемся, перестану называть тебя «дамочкой», – ехидно сказал иллириец.

– Ага, *если*, – ответил грек, не отводя взгляда от толпы варваров, пытающихся прорвать римский строй. Дротики и слаженный натиск легионеров заставили варваров немного отступить. Выкрикивая боевой клич, солдаты щитами отодвигали нападавших к воротам.

– Почему я должен делать за тебя твою работу? – крикнул Марцелл Терренцию.

– Потому что ты тоже в доле, семнадцатый⁴, – последовал ответ.

Два центуриона разили германцев одинаково хорошо. Марцелл, который из доспехов успел надеть лишь шлем, выглядел даже более лихо. Среди нападающих Терренций узнал предводителя тех, кто должен был продать ему рабов, и начал прорубаться к нему, чтобы отплатить за обман. Германец лишь немного повел бровью, увидев это, и сказал спокойно, но достаточно громко, чтобы это услышали все:

– Римляне, пора отрабатывать хлеб.

Терренций удивленно взглянул на вождя... Но центуриону не суждено было узнать, что значат сказанные варваром слова, потому что сталь римской спаты перебила ему шейные позвонки.

⁴ Имеется в виду факт командования семнадцатой центурией.

II

Гай Ремигий Регул, один из трибунов-ангустиклавиев⁵, был далеко не на самом вершине командной лестницы легиона. Легат, префект лагеря, латиклавий⁶ – каждый имел право покомандовать им. Вот и сейчас вместо того, чтобы вполне законно отдыхать в своих покоях, он плелся по вызову легионного латиклавия Тита Аметия. Он уже успел надоесть всем высшим офицерам. Времена сенаторского сословия подходили к концу⁷, и все больше всадников занимало посты, ранее предназначенные для сенаторов. Аметий, видимо, чуял скорый конец своего благоденствия, и поэтому был особенно раздражителен, как муха в начале осени. Что же ему понадобилось на этот раз?

– В вашем распоряжении, – Регул отсалютовал латиклавию.

– Давай без церемоний! Садись, мы оба трибуны, – с нетипичным дружелюбием ответил Аметий, приглашая ангустиклавию к столу. Ремигий выпил предложенного вина, ожидая, когда его более высокопоставленный коллега перейдет к делу. Долго ждать не пришлось.

– Регул, в наше время честный командир – редкость. Думаю, тебе известно, какая. В этом вопросе я могу доверять только тебе.

Ангустиклавий не ответил ничего, предпочитая никак не реагировать на льстивые преамбулы.

– Не секрет, что германцы из-за Днестра часто убивают римлян римским же оружием. Не знаю, есть ли легион, который втихую не приторговывает им, – продолжил Аметий.

– XI Клавдиев, конечно же! – торжественно произнес Регул.

– Да ладно тебе, Регул! Даже не смешно! – латиклавий походя, жуя окорок, обвинил свой легион в незаконной торговле. – Мы, наверное, впереди всей Империи по масштабам поставок. Хотя говорят, IX Испанский, что на Рейне...

– Так в чем дело? – не выдержал Ремигий.

– В том, что мне совершенно не хочется быть первым в этом сомнительном соревновании. Недавно со мной расплатились за одну дружескую услугу янтарем. Ты ведь знаешь, как он обычно попадает к нам?

– С севера. От варваров, желающих купить у нас что-нибудь.

– Правильно! Значит, кто-то им что-то продал, и вряд ли это та кислота, что пьют в тавернах. Это оружие! Я сегодня наведялся к оружейнику и понял, что был прав. У него не хватало пятидесяти клинков! Пятидесяти! Загляни я к нему чуть позже, он уже нашел бы способ, как это объяснить. Ты должен будешь с этим разобраться.

Латиклавий в общих чертах изложил план. Он приказал Регулу отправиться вместе с одной центурией в один из соседних гарнизонов, когда там снова понадобится провести товарообмен с варварами. Вообще это должна была сделать другая центурия, но ее дополняют людьми Регула в последний момент. Аметий как раз объяснял, что именно нужно предпринять по прибытии в гарнизон, когда до трибунов донесся шум, внезапно поднявшийся в лагере.

– Пойдем посмотрим, что там, – сказал латиклавий, отхлебнув вина и откусив напоследок большой кусок мяса.

⁵ Трибун-ангустиклавий – офицерская должность, которую занимал опытный военный из сословия всадников. В легионе было пятеро ангустиклавиев.

⁶ Трибун-латиклавий – офицерская должность, занимаемая молодым человеком из сенаторского сословия. В легионе был только один латиклавий. Формально он был выше ангустиклавия по рангу.

⁷ В описываемые времена роль сенаторского сословия постепенно сходилась на нет, и выходцы из сословия всадников занимали почти все важные военные посты. Полномочия латиклавиев уменьшались, пока эта должность не была упразднена совсем.

На площади перед преторием⁸ гомонила толпа солдат, сгрудившаяся вокруг окровавленного наездника, который пытался прорваться прямо к префекту. Когда трибуны приблизились, всадник увидел их и закричал:

– Тигилит пал! Тигилит пал! Они всех убили!

– Но ты-то живой, – с сомнением оглядывая кавалериста, проговорил Аметий, – никак сбежал?

– Я сражался, господин! Вы же видите! Но кто-то же должен был сообщить о нападении...

– Да неужели? А почему именно ты? Тебе кто-то приказывал оставить сражение?

– Нет, но я... центурионов почти сразу убили, и я решил... – испуганно залопотал всадник.

– Он лишь выполнял свой долг патрульного. Они *должны* докладывать. Оставьте его, господин, – вмешался Регул.

– Хорошо, надо доложить префекту Кратору, – Аметий, неохотно признав правоту ангустиклавию, двинулся в преторию вместе с Регулом.

Префект, конечно, был огорчен известием – не в последнюю очередь потому, что оно заставило его оторваться от возлияний в компании трех трибунов, примипила⁹ и нескольких офицеров рангом пониже. Зато не пришлось созывать их на совет – и так все в сборе. Легат вместе с единственным отсутствующим в лагере ангустиклавием отбыл инспектировать дальние гарнизоны, поэтому вся полнота власти сейчас была у префекта. Ему и предстояло решать, какие принять меры. Префекту было недосуг разбираться в том, какое именно племя атаковало лагерь и воины каких общин участвовали в налете. Регулу было приказано провести карательную акцию против ближайшей германской деревни. Даже если жители не участвовали в рейде, они пропустили атакующих через свои земли – во всяком случае, так думал Кратор. Ни Регул, ни даже латиклавий не были в восторге от такого решения, так как знали, что маленькая приграничная община не могла решиться на налет. Аметий даже попытался возразить, думая, что его должность еще в почете, но префект от души посоветовал «сенаторскому сынку» заткнуться.

Из претория и латиклавий, и Регул вышли раздосадованными. Трубачи уже играли общий сбор.

– Возможно, это твой шанс разобраться в темных делишках с продажей клинков. По моим данным, центурия, которая сегодня отправилась в Тигилит, везла туда очередную партию на продажу, – Аметий все еще надеялся извлечь пользу из сложившейся ситуации.

– Возможно. Только спросу с мертвых уже никакого, – ответил Регул.

Дуросторская канаба¹⁰ давно перестала быть чем-то второстепенным по отношению к лагерю, да и сам Дуростор сильно изменился. На месте палаток и временных деревянных бараков теперь стояли капитальные каменные здания, крытые черепицей с клеймом XI Клавдиева легиона. А канаба из полузаконного поселения легионерских подружек и их ублюдков превратилась в полноценный небольшой город, в котором можно было найти все атрибуты цивилизации – термы¹¹, лупанарий¹², трактиры и даже небольшую деревянную сцену с выстав-

⁸ Преторий (преториум) – палатка полководца и место под нее в лагере римской армии. Позже, в Римской Империи, этим термином называли штаб императорской гвардии или вообще административное здание.

⁹ Примипил – самый высокий по рангу центурион легиона, стоявший во главе первой центурии первой когорты.

¹⁰ Канаба – городок, выросший вокруг военного лагеря.

¹¹ Термы – бани.

¹² Лупанарий – публичный дом.

ленными полукругом скамейками, имитирующими амфитеатр. В одной из таверн, предназначенной для легионеров, за столом собралась шумная компания – Канут, один из опытных деканов¹³, праздновал двадцатипятилетие. Заплатив центуриону за самоволку, он с сослуживцами выбрался в канабу, чтобы напиться и, если повезет, немного подраться. Конечно, за это можно было угодить в карцер, но кого это волновало? Неизвестно, какую по счету чашу неразбавленного вина они выпили, но все официальные тосты – за императора Галлиена, за легион и центурию, за легата – уже остались позади, или о них просто забыли. Попойка переходила в ту стадию, когда начинают перебирать всю родню до седьмого колена, вспоминать самые нелепые сплетни друг о друге или любым другим способом пытаются задеть собеседника, чтобы вызвать его на «разговор» за дверьми таверны. Или не за дверьми – в этот раз терпения для того, чтобы выйти из заведения, явно не хватало.

– Закрой рот, помойная псина! – орал Дией, иллириец из контуберния Канута.

– Последний раз говорю – проси прощения, или снесу твою голову! – Фритгерн, германец, был сдержаннее и потому опаснее.

– Что, обиделся? У-тю-тю, прям и козлоробородым назвать нельзя, – издевался иллириец.

Рука Фритгерна выскользнула из хватки потерявшего бдительность товарища, и молниеносный удар свалил Диея на пол. Компания одобрительно заулюлюкала, и не успел Дией подняться, как все уже выпили за отличный удар. Поверженный хотел было что-то сказать, но его миглом усадили за стол, многозначительными взглядами дав понять, что продолжения никто не хочет.

– Без обид, Канут: к тебе лично никаких претензий, но твоему Диею надо отвечать за слова, – Марк Лигн, командир Фритгерна, ждал реакции именинника и командира Диея.

– Да не вопрос. Фрит, Дией, вы закончили?

– Да какого... – Дией снова попытался подняться со стула, но германец во второй раз заставил его сесть.

– Пей давай, – добродушно пробасил варвар, протягивая чашу с вином.

После того, как иллириец принял чашу (еще бы он отказался от выпивки!), всё, казалось, пошло своим чередом. Легионеры, отмечающие Канутовы именины, как ни в чем ни бывало вернулись к безобидным шуткам и разговорам ни о чем, а бывшие драчуны вспоминали, как когда-то вместе участвовали в отражении вражеского налета. В тот момент, когда Дией хватался тем, как лихо он зарубил подскочившего со спины варвара, в таверну вошла большая компания германцев-ауксилариев¹⁴, прибывших из-за Данубия. Празднующие лишь на мгновение повернули к ним свои головы и тут же вернулись к беседе. Через несколько минут один из германцев, проходя мимо Фритгерна, сильно хлопнул его по плечу и со словами «правильно, вали иллирийских свиней» двинулся к соседнему столику, где уже разместились его сослуживцы и соплеменники. Все иллирийцы из компании Канута встали из-за стола и двинулись за ним – и не только иллирийцы. Германец оглянулся и, заметив группу легионеров, удивленно уставился на Фритгерна, бывшего среди них:

– Ты что, уже с ними за одно? Вот это да! Значит, бывают и овцы в волчьей шкуре.

Фритгерн, поняв, что обращаются к нему, опередил остальных:

– Мы с иллирийцем решили свои проблемы. Твоего мнения не спрашивали.

– А меня не нужно спрашивать. Я говорю то, что думаю.

– Тем хуже для тебя, – отвечал Фритгерн.

Ауксилариев было около двух десятков, а иллирийцев вместе с Фритгерном – шестеро. Через минуту к ним присоединились и остальные из компании Канута, включая его самого,

¹³ Декан – командир контуберния, отряда из восьми воинов – самой мелкой тактической единицы римских войск.

¹⁴ Ауксиларии – солдаты вспомогательных войск, неграждане.

так что число удвоилось. Но все равно перевес был на стороне солдат вспомогательных войск, к тому же трезвых. Один из ауксилариев, судя по всему, вожак, предложил:

– Негоже мешать людям отдыхать. Пойдем поговорим на воздухе?

Ни говоря ни слова, обе компании вышли из таверны, но «разговору» не суждено было начаться. Стоило им выйти на улицы канабы, как они услышали звук легионных труб, игравших общий сбор.

Всем легионерам было приказано находиться в своих казармах, а всем командирам не ниже центуриона – явиться в преторию. Префект объявил о случившемся и зачитал приказ о выступлении за Данубий. В поход отправлялись две когорты и одна кавалерийская турма¹⁵; для уничтожения одной деревни этого было более чем достаточно. Когда все было сказано, Кратор передал слово Регулу, которому предоставил право самому выбрать когорты. Он выбрал третью и четвертую, а также выпросил разрешение взять с собой подразделение ауксилариев-германцев и германскую же кавалерийскую турму. Регул приказал командирам выбранных подразделений подготовить свои части к выступлению в течение получаса. Трибун хотел направиться к себе, чтобы собрать вещи, но тут кто-то тронул его за плечо сзади. Обернувшись, он увидел лицо молодого, но уже опытного в боях воина. Это был грек с густыми темными волосами, небольшой ухоженной бородкой и глазами, в которых читались боль и отчаяние.

– Ксантипп? Чего тебе? – Регул узнал в греке декуриона¹⁶ регулярной турмы, набранной преимущественно из фессалийцев.

– Это ведь Терренций командовал центурией в Тигилите? – спросил грек, внимательно смотря Регулу прямо в глаза.

– Да, декурион, – ответил тот.

Ксантипп опустил взгляд и почти сразу поднял глаза. Теперь они смотрели на Регула с мольбой:

– Возьмите мою турму. У Терренция служил Филипп, мой младший брат.

Когорты выстроились в походную колонну за воротами лагеря. Колонна уже давно должна была отправиться, но в одной из центурий четвертой когорты не хватало сразу двух десятков человек. Никто не удивлялся – покрывательство младшими командирами солдатских самоволок давно вошло в систему и стало чуть ли не легальной практикой. Но в таких ситуациях, как сегодня, все командиры вдруг резко начинали страдать забывчивостью, делая вид, что не знают, куда делись два контуберния.

– Ксантипп! Пошли всадника в канабу! Если найдет там этих разгильдяев, пусть передаст от меня привет и скачет сюда. Если не найдет, тоже пусть скачет сюда. Пойдем без них, – приказал Гай Ремигий.

– А если они найдутся уже после того, как мы выступим, господин?

– Я попрошу латиклавия распять их! – гневно сказал Регул.

– Едва ли он рискнет сделать это, – Ксантипп, ухмыльнувшись, поскакал к своей турме. Всадник вернулся весьма быстро и доложил, что оба контуберния были обнаружены им

¹⁵ Турма – подразделение эскадрона, конный отряд из тридцати человек.

¹⁶ Декурион – командир декурии (десять) всадников и/или кавалерийской турмы, состоявшей примерно из тридцати бойцов.

у таверны в тот момент, когда они собирались начать потасовку с подразделением ауксилариев, и в настоящий момент направляются в лагерь.

– Мы и так навряд ли успели бы в Тигилит затемно, – сказал Ксантипп, успокаивая Регула, нервно разъезжающего взад-вперед вдоль колонны.

– Благодаря им мы и к утру можем не успеть. Мало того, что я стою на месте с войском на потеху лагерю и префекту из-за нескольких пьяниц, так еще и придется разбивать лагерь ночью, имея только две когорты под рукой.

К счастью для римлян, погода была ясная. Если бы пошел дождь, то злой и мокрый Регул запросто мог приказать отправить опоздавших в карцер после хорошей порки. Вместо этого трибун решил ограничиться несколькими ударами виноградных лоз, когда легионеры будут спешить в свои казармы за оружием и доспехами – несколько центурионов уже дежурило у ворот со своими жезлами, ожидая провинившихся. Когда они появились, но уже с другой стороны ворот, выходя из лагеря (и уже в полном облачении), Ксантипп еле сдержал смехок, хотя настроение от последних новостей у него было поганое. Видимо, посланный им всадник предупредил несчастных, сказав, с какой стороны лагеря стоит колонна с разгневанным ангустиклавием во главе. Центурионы подгоняли солдат палками, правда, уже только для виду – ведь те уже были в доспехах и спешили занять места в строю. Регул проехал вдоль колонны, задержав взгляд на центурии опоздавших:

– Разберемся с самоволками, когда вернемся, – многообещающе сказал он и повел легионеров на северо-запад.

III

Колонна легионеров маршировала уже несколько часов. Становилось ясно, что к наступлению темноты отряд будет еще далеко от разгромленного гарнизона. Регул, ехавший верхом, был мрачнее тучи, несмотря на то, что в отличие от рядовых солдат его ноги не кровоточили от мозолей.

Так вышло, что с самого момента сбора Ксантипп всегда был рядом, и трибун уже привык к его постоянному присутствию. Грек был значительно ниже рангом, но ангустиклавий и до этого знал его, так как фессалиец был вхож в компанию высокопоставленных офицеров благодаря хорошо подвешенному языку, образованности и навыку рассказчика. Регул сочувствовал его потере, хотя сам Ксантипп еще надеялся найти брата живым.

– Как получилось, что вы с Филиппом оказались в разных подразделениях? – спросил Регул.

– Из-за возраста, разумеется. Он поступил на службу на несколько лет позже меня. Решил доказать, что такие, как он, не трусливее таких, как я.

– Такие, как он? – переспросил трибун.

– Ну да, идеалисты, верящие в Единого, Логос, Беспредельное и всякую подобную чушь. Он даже хотел сбежать из дома в Италию к чудаку Плотину¹⁷, чтобы жить в его городе философов. Наверное, жаль, что у него не получилось.

– Возможно, он жив и в плену, – Регул попытался поддержать в декурионе надежду.

– Если так, может, он хоть поймет, что война сильно отличается от философских сказок про «стражей»¹⁸, – с горечью ответил грек.

Ксантипп и ангустиклавий ехали с угрюмыми лицами, но бойцы контуберниев Канута и Марка Лигна были еще угрюмее. Они думали только о виноградных лозах, которые ожидали их по окончании этого короткого похода.

– Вот надо было тебе сцепиться с Фритгерном, а? – бурчал Канут, обращаясь к Диею и злясь из-за испорченного дня рождения.

– Тебе-то что? Свет на нас клином сошелся?

– Да если бы не ваша потасовка, не пошли бы мы с теми ауксилариями «поговорить» и получили бы только за опоздание. А теперь трибун нам и драку припомнит.

– У тебя что с головой, Канут? Откуда он узнает? Кавалерист никому не сказал. Он нам еще и помог! – бодрился Лигн.

– Не он, так еще кто-нибудь нашепчет, – не унимался Канут.

– Тише там, болтуны! – прикрикнул на бойцов центурион Тимей, огромный лаконец под два метра ростом.

Колонна легионеров продолжила движение, уже в молчании. Прошагав еще несколько часов, солдаты увидели, как садится солнце. Регул смотрел на закат, но не видел его красоты. Оне еще не решил, стбит ли сейчас останавливаться на привал. Ради их же безопасности делать этого не следовало. Правда, традиция обязывала разбивать лагерь для ночевки и не устраивать ночных маршей в первую очередь потому, что в темноте почти невозможно разглядеть засевших в засаде воинов противника. Но ночевать в едва укрепленном временном лагере, когда крупнейший в округе гарнизон был абсолютно пуст, а граница открыта, было не менее опасно.

¹⁷ Плотин (204/205—270) – античный философ-идеалист, основатель неоплатонизма. Пытался воплотить в жизнь идеи Платона – основать город философов Платонополь.

¹⁸ Платон в своем диалоге «Государство» выделяет, в частности, сословие стражей (воинов), обеспечивающих внутреннюю и внешнюю безопасность государства.

Трибун посмотрел на небо – круглый лунный диск уже стал виден, а облаков почти не было. Что ж, тем лучше. Когда солнце почти закатилось за горизонт, Регул скомандовал остановку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.